

4 DEK 1979

ЗВЕЗДА
Г. Пермь

Стрелева
Антонина

ДЕТЕЙ НЕИНТЕРЕСНЫХ НЕТ

Беседа с актрисой Пермского ТЮЗа А. Стрелевой

Театр для зрителей — это всегда праздник. Для актеров он неразрывно связан с напряженным трудом, многочисленными выступлениями, жизненным призванием. Для Пермского ТЮЗа прошедшая неделя «Театр и дети», активным участником которой он являлся, стала в какой-то степени подведением результатов, поводом для размышлений о, сделанном. В жизни Театра юного зрителя эти дни знаменательны еще одним событием: коллективу исполняется пятнадцать лет.

За минувшее время на его сцене сменилось несколько поколений актеров. Для некоторых, кто начинал тут свой профессиональный путь, закономерным стал переход в драматический театр или обретение себя в качестве режиссера. Однако есть здесь, как и в каждом ТЮЗе, люди, которым суждено отдавать этому театру всю творческую энергию, всю актерскую жизнь. Каждый день они выходят на сцену озорными мальчишками и девочками. Это актрисы-травести. Среди них и Антонина Стрелева, работающая в Пермском ТЮЗе с первого сезона, не просто свидетель, а активнейший творец истории родного театра.

— Как давний тюзовский зритель, могу сказать, что мне всегда интересны Ваши, Антонина Анатольевна, мальчишки и девочки, резкие и громогласные, требовательно смотрящие на жизнь, умеющие обо всем составить собственное мнение. За ними угадывается личность исполнителя, его человеческое отношение к своим героям. Вот почему именно к Вам я хочу обратиться с вопросом: травести — это судьба, работа или призвание?

— Скажу одно: это — труд. В ролях травести легко ограничить себя в профессиональном развитии, обресть на штампы. Очень трудно каждый раз находить новое. К тому же не так много хороших пьес с интересными детскими характерами.

Но еще в годы учебы я поняла, что и на имеющемся материале можно сделать многое. Тогда я увидела на сцене Ленинградского ТЮЗа Л. Князеву с ее необыкновенным лирическим дарованием. До этого в той же роли видела стареющую актрису со многими штампами игры. А Князева работала так, что открывалась простая истина: дети — богатый материал для настоящего творчества. Теперь, когда я смотрю на своих сыновей, я снова и снова убеждаюсь, что у них — свой, необычный мир. В день они проживают и накапливают столько, сколько взрослый за месяцы. От этого — такие резкие, необычные реакции. Наблюдения за детьми дают главные внутренние импульсы, стимулируют риск, поиск.

— Готовились ли Вы с самого начала именно к такому поиску?

— Нет, конечно. Когда меня приняли в Ленинградскую студию ТЮЗа под руководством Л. Ф. Макарьева, то думали, что я вырасту. И я готовилась играть роли молодых лирических героинь. Так это и было в Омске, Куйбышеве, Калинин, где я работала. Здесь, в Перми, пришлось себя ломать. До этого не приходилось так много думать о внешней стороне исполнения, о поисках острого характера. Вот, например, Вагонсз из

спектакля «А и Б». Мне хотелось подчеркнуть его забавную, не по годам солидную, основательность, невозмутимость. Это ребячий лидер, но не совсем привычный для восприятия юных зрителей. Я глубоко убеждена, что одиноким детей не бывает, и моя задача — показать эту разность. Поэтому самое страшное — повториться.

— Подтверждаю, что отчаянный Том Соьер, Маленькая разбойница, Глазастик, Малыш и многие другие Ваши герои, которых я с удовольствием вспоминаю, действительно не похожи друг на друга. И все-таки есть в них что-то общее, внутренняя взвешенность, что ли, требовательность вопросов, обращенных к старшим. Может ли быть своя тема у актрисы-травести?

— Разумеется. Дети, как и взрослые, тоже бывают одиноки, растеряны, не поняты. Возьмите хотя бы Тимми-роесника мамонта, попавшего в «цивилизованный» мир и безжалостно отвергнутого. Одна девочка из четвертого класса написала: «Мне было так страшно и больно за него». Это дорогая для меня реакция на спектакль. А Винни-Пух, столь неумело ищущий себе друзей? А маленький Дилл, найденный в корзине? Для меня всегда важно разбудить в детях желание понять и защитить персонажа. Наши зрители иногда слишком спокойны, приходят в театр развлечься. А мне хочется разбередить в их душах сострадание, вызвать активное сопереживание. И встречи с ними после спектаклей показывают, что часто наши усилия, наше неравнодушие не пропадают даром.

— Кого бы Вы назвали среди любимых героев? И почему они Вам дороги: в силу своих внутренних достоинств или это связано с особым творческим удовлетворением от хорошо сделанной роли?

— То и другое почти всегда совпадает. Хорошая драматургия, интересный характер, глубокая мысль — и роль получается, и становится любимой.

Очень люблю Маленькую

разбойницу в обоих спектаклях (ТЮЗ два раза ставил «Снежную королеву»). Бесконечно интересен здесь процесс самообуздания. Сначала — свободный человек вне всяких рамок. И вдруг сознательно и страстно впрягает себя в дружбу, ломает себя. И во имя дружбы — ограничивает свое понимание свободы. Анархия вне добра и зла кончается, совсем другая личность появляется.

Очень захватила в свое время работа в спектакле «Синяя ворона» по пьесе Р. Погодина. Тут увлекательна трансформация: в одном спектакле четыре роли в одном лице — «пещерный человек» Анука, юная французка Аннет, пленница белогвардейцев в Нюшка и одноклассница героини Анна Секретарева. И во всех них надо «иметь в виду» ее, Анну Секретареву, потому что именно в ней другой персонаж Витька открывает самые разные качества: первобытную дикость, хитрость и изысканность, отвагу и озорство. Вместе с тем, все героини наделены добротой и активностью Анны Секретаревой. Удивительно радостно было выходить на сцену в этом спектакле.

Любила Малыша. В нем мне было дорого трепетное ощущение всего живого. Сейчас люблю Тимми...

— Вашему театру полтора десятка лет. Стали взрослыми те, кто смотрел его первые спектакли, сюда, подрастая, приходят все новые и новые зрители. Изменились ли, на Ваш взгляд, контакты зала и сцены, как время влияет на ту и другую стороны?

— Постоянный взаимный интерес друг к другу артистов и зрителей необходим — без этого нет молодежного театра, отвечающего на самые волнующие вопросы тех, кто сидит в зале. Каждое время выдвигает свои характеры, свой взгляд на проблемы — и театр должен чутко улавливать их, что неизбежно ведет к его изменению.

Сегодняшний зритель, я бы сказала, стал более сосредоточенным, сдержанным, может быть. Сейчас наши взаимоотношения усложнились с.

На смену броской новизне и открытой полемичности тюзовских спектаклей первых лет пришло, думается, внутреннее, глубинное исследование проблем. Причем, проблем вечных, никогда не устаревающих для юных — выбора пути, становления характера, определения мировоззрения. Не отказываясь от открытого воздействия на зал, мы стремимся не упрощать вопросов, а призываем зрителя думать над ними, принимать собственные решения. Публицистика в спектаклях, на мой взгляд, обрела более широкий характер: она активно обращается и к чувствам, и к разуму.

Смелее стали поиски в сценических работах для младшего зрителя, в таких, например, как «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» режиссера М. Колдцова, «Чинчакрела» режиссера В. Крючкова, «Страдания Ивана Семенова» в постановке С. Либмана. Это значит, что расширяется наша зрительская аудитория, а перед творческим коллективом открываются новые возможности совершенствования в области пластической выразительности, музыкальности, мастерства, выявляются интересные актерские индивидуальности.

Уверена, ни один ТЮЗ не может существовать по инерции. И чем больше в театре людей, которые хотят, чтобы сегодня он был хоть немножко иной, чем вчера, тем лучше. Лучше для всех — и для нас самих, и для зрителя.

— Антонина Анатольевна, еще один, может быть, трудный вопрос. Как вы оцениваете свою актерскую судьбу?

— Смогу считать ее счастливой, если удастся закончить так же, как шла по ней. Хотелось бы попробовать себя на характерных ролях, на возрастных. Я понимаю, что для театра это — риск. Но некоторый опыт все же есть: я играла Марию в «Двенадцатой ночи», Любу в спектакле «В гостях у донны Анны», Исабель в «Даме-невидимке». Многие зависят от меня: смогу ли перестроиться, откинуть шлейф травести, работая над совершенно иным ролевым материалом.

— Я хочу напомнить об еще одном Вашем опыте: роли Любы в спектакле «Последние». По-моему, это интересно. В Вашей героине главными стали не озабоченность и холод, что более традиционно, а обостренная ранимость и умение сострадать. Причем, не только к «последним», а ко всем, даже к такому нравственному ничтожеству, как Иван Коломийцев. Поэтому, мне кажется, не стоит отказываться от всего того душевного и профессионального опыта, который Вы накопили за многие годы работы в этом трудном и по-своему «опасном» амплуа-травести. Я верю, что творческая судьба актрисы Антонины Стрелевой будет счастливо продолжаться, как будет продолжаться работа вашего родного театра.

— Спасибо. Я оптимист. И тоже верю.

Беседу вела
Т. ЮШКОВА.

На снимке: А. СТРЕЛЕВА в спектакле «А Воробьев стекла не выбивал».